

«Вошка парилася — шинкарку кадрила...»

Россия — 2005 — 3-9 февр. — с. 18

Что ни говори, а русские народные песни берут в полон уже одними своими зачинами! «Как назвала жена мужа негодяем», «Я в девушках смиренушкой была», «Полно соловью в поле щекотать», «Как повадилась Параня»... Забавно, не правда ли? Только народ, сотворяя милые вирши, не в остроумии упражнялся, а силой сермяжного слова выражал свою печаль безутешную да удал потешную. Много песельников светлых было на Руси, да не всем удалось дозваться до золотника души народной, испить его сердце до дна. А уж медово пролить сию суть, да из певческих уст, и вовсе не всякому дано.

Сергей Соседов

Вот у ансамбля «Карагод» сложилось. Уже 25 лет радуется он ценителей русской песни. Строгий многоголосный распев и разудалая частушка, романсы из французского автографа Пушкина и современные свадебные, колыбельные и казачьи песни — все это коронный репертуар арт-фолк-шоу-группы, чье название означает народное действо, объединяющее танец, игру, музыку. Ансамбль исполняет в основном аутентичную народную песню, то есть ту самую, исконную, от корней. Улыбавшую изустно в глухих русских деревнях, незапланированную чьей-то «авторской» редакцией. Ну а бессменной заводилой «Карагода» со дня его основания является непоседливая, озорная и самородная подвижница русской песни, профессор Московского государственного университета культуры, художественный руководитель и певица **Евгения Засимова**.

— **Евгения Осиповна, чем же «Карагод» отличается от других фолк-ансамблей?**

— Прежде всего, узнаваемыми голосами, хорошей опорой и глубиной дыхания, красотой тембральных красок. Я очень трепетно отношусь к этому. Люблю низкие женские голоса оттенков виолончели и саксофона с небольшой долей вибрата.

— **Считается, что звучание виолончели максимально приближено к интонации человеческого голоса...**

— Вот это попала! (Смеется.) Кстати, я окончила музыкальную школу по классу этого инструмента и все семь лет хотела бросить ее.

«Просто так народ полюбить никого не может»

— **Да вы что?!**

— Прозвище Бандура преследовало меня все детство! Правда, потом я добилась, чтобы виолончель за мной носила мама, а я гордо шла с папочкой для нот.

— **От виолончельных пьес до народных песен — дистанция, однако...**

— После музыкальной школы я поступила на дирижерско-хоровое отделение училища им. Ипполитова-Иванова, а потом в Институт им. Гнесиных. Инициатива же создания «Карагода» принадлежит Виталию Гаврилову, профессору, заслуженному деятелю искусств, ныне академику и моему мужу. Он тогда уже работал в Московском институте культуры, возглавлял кафедру баяна и аккордеона, а мне доверили заведовать секцией народного хора. Я собрала небольшой педагогический коллектив из коллег по Гнесинке, и когда Гаврилов услышал, как мы поем, то сразу решил, что это искусство надо выводить на большую эстраду.

— **Откуда вы брали поэтический материал для своих песнопений?**

— Поначалу только из собственных фольклорных экспедиций. Для первого в нашей жизни профессионального конкурса, который проходил в 1979 году в Ленинграде, мы подготовили целую программу песен Ставро-

польского края — это южный регион, вобравший в себя и воронежские напевы, и среднерусские, всякие. Мы тогда записали «Да вот томно мне», «Коши, кошёрочки» и обработку Гаврилова, получившую специальный диплом — «А не бойтесь, куры-гуси»...

— **А как же классические древнерусские сказания, жития, апокрифы, притчи?**

— К литературным источникам я обратилась много позже, когда делала программу «Отчизна и воля». Это песни в фольклорном распеве, первоисточником которых были поэтические произведения русских авторов, но не только. Мы исполняли, например, песню на стихи Байрона про Чайльд-Гарольда в переводе Ивана Козлова «Проснется день красы моей», которую все мы сегодня знаем как русскую народную. Пели также «Поехал казак на чужбину далекую» на стихи украинского поэта Гребенки, «С ярмарки ехал ухарь-купец» Никитина, «Оседлаю коня» Кольцова и другие вещи.

— **Почему вы выбрали именно этот репертуар?**

— Хотелось вернуть массовому слушателю подлинно национальный музыкальный язык, который отражал бы ту русскую певческую традицию, которая была когда-то при Пятницком, Колотиловой и других корифеях на-

родного хорового искусства. Простой пример: в 1962 году хор Пятницкого возглавил интереснейший композитор Валентин Левашов, но абсолютно эстрадный. Как это иногда бывает, талантливый человек оказался не на своем месте и повел хор в другую сторону. Репертуар составили в основном его авторские вещи, причем ненародные по духу и нередко излишне синкопированные.

— **Да, джазовая и блюзовая ритмика тут явно ни к чему...**

— Не скажите! Вот если бы Левашов новаторски соединил фолк и джаз, то мы на тридцать лет опередили бы Deep Forest и другие западные изыскания в этом русле и давно просверкали бы во всем мире. Но, к сожалению, многие наши хоры — Сибирский, Кубанский, Воронежский и другие — в 60–70-е годы оказались во власти творческих амбиций своих руководителей и почти полностью отказались от народных песен.

— **Цензура, Минкульт, идеологический отдел ЦК КПСС как-то беспокоили вас?**

— Не то слово! Запрещали петь песни, где упоминались бояре, князья. «Зачем вы тащите студентов в темное прошлое, в рабство?» — этот вопрос нас преследовал постоянно. Была у нас милая скоморошина «Вошка парилася».

Так нам пеняли, что мы против гигиены, насаждаем заразу, антисанитарию, хворь. Не пропустили у нас и текст: «Темной ночью не спится — шинкарочка снится» — ведь шинкарочка — это продащица вина в кабаке. «Шинкарочку» пришлось заменить на «девчоночку», и смысл весь ушел.

— **Вы лично подвергались давлению?**

— Мне на кафедре хорового дирижирования устраивали обструкции свои же коллеги — их беспокоило, что моя специальность завоевывает все большую популярность, а к ним идет все меньше учеников. Колоссальное давление испытывала я и со стороны тех самых руководителей хоров. И даже не давление, а скорее неприятие фольклора вообще — диалекта, народной манеры пения с ее характерным «непричесанным» звуком. Считалось, что петь надо то, что у всех на слуху.

— **Кто же ваши ученики?**

— Я ими очень горжусь. Это Светлана Рыбалченко — художественный руководитель ансамбля «Чиботуха», Светлана Смирнова и Юрий Селиванов — участники популярного «Русского дуэта», Марина Рыжова из «Россия-ночки», Ирина Хохлова, Татьяна Гвайта... Мои ученики работают в Волгограде, Бriansке, Орле, Улан-Удэ,

Барнауле... Многие из них — кандидаты наук, доценты, завкафедрами творческих вузов.

— **Насколько профессионален, с точки зрения педагога, поп-фолк, которым наводнены сегодня теле- и радиоканалы?**

— Каждый занимается тем, чем может. Мне, например, симпатична группа «Чё те надо?». У них довольно неплохой материал — авторский, но приближенный к народному. Я бы назвала их песни слободскими. В них много природного начала, провинциальной свежести, и это спасает их от рутины и штампов.

— **А как вы оцениваете творчество Кадышевой?**

— Просто так народ полюбить никого не может. Надя, используя небольшой диапазон голоса, находит в песнях свою интонацию, тембр, подачу. Да, она раба этих шести-семи звуков, но если сейчас открыть все регистры ее голоса и развить диапазон, то привычной для нас Кадышевой уже и не будет (смеется). Может, будет певица в сто раз лучше, но совсем не та. Ее находка — городской фольклор, который знает весь народ. Видимо, работая вместе со своим мужем за рубежом, она имела спрос на эти песни, а приехав сюда, поняла, что и в России это поле непаханое. И выиграла.

— **Вам часто приходилось соперничать со своими коллегами?**

— В советское время, чтобы поехать за рубеж, нужно было выиграть тендер в Госконцерте. Например, в начале 90-х к нам приезжала одна японская компания, которая выбирала русский народный коллектив для гастролей в своей стране. В числе претендентов на поездку оказались вместе с нами ансамбль Владимира Назарова, «Русская песня» Бабкиной, Людмила Зыкина и несколько небольших коллективов. Японцы выбрали Зыкину и «Карагод». А лет 15 назад случилась потрясающая история, связанная с Андреем Макаревичем. Нас пригласили в иркутский цирк выступить в сборной программе, но когда мы приехали, оказалось, что, кроме «Машины времени» и «Карагода», участников больше нет. Естественно, вся публика пришла на Макаревича и его группу. Мы схватились за голову: как быть? Выходим на арену в первом отделении, а нас встречают свистом, шумом: кто такие, уходите прочь! Кошмар! Но как же мы тогда работали, как боролись за свой успех! И в результате победили: публика провожала нас дружной овацией.

— **А что же «Машина времени»?**

— Они, конечно, блестяще отработали свой блок. Тогда же мы и подружились с Андреем: вместе ездили на Байкал, ходили на пик Черского... Теплые отношения сохранились у нас по сей день.